

И. И. Шангина

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1918—1923 гг.)

Среди множества этнографических музеев нашей страны выделяются два старейших, пользующиеся особой популярностью. Оба они находятся в Ленинграде. Это Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ; преемник основанной Петром I в 1714 г. Петербургской кунсткамеры)¹ и Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ; создан в 1934 г. на базе образованного в 1902 г. Этнографического отдела Русского музея)². Музеи эти обладают огромными ценнейшими коллекциями и являются поэтому важнейшей источниковой базой этнографической науки. Они участвуют в разработке актуальных проблем этнографии, вносят большой вклад в формирование методики этнографических исследований и музейного дела. В то же время музеи играют большую роль в пропаганде идей социализма, национальной политики партии, в борьбе за подъем идеологического, нравственного состояния общества и его культуры.

Настоящая статья посвящена деятельности этнографических музеев Петрограда в 1918—1923 гг. В это тяжелое время гражданской войны, интервенции и послевоенной экономической разрухи были заложены основы для преобразования этнографических музеев из учреждений сугубо научных в учреждения, по словам А. В. Луначарского, «не только для ученых и художников, но для народа»³. В статье рассматриваются лишь те специфические стороны музейной работы, в которых черты нового проявились особенно ярко. Научно-исследовательская деятельность музеев, а также их роль в подготовке кадров советских ученых, не анализируются, так как достаточно хорошо освещены в этнографической литературе⁴.

¹ Решетов А. М., Станюкович Т. В. К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук//Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 6—7 (Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР — далее: Сб. МАЭ. Т. XXXV).

² Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. С. 136—137; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти//Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. VII. С. 9, 40.

³ Закс А. Б. Речь А. В. Луначарского на конференции по делам музеев//Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 214.

⁴ Станюкович Т. В. Указ. раб. С. 117—120; Токарев С. А. Из истории этнографических исследований Академии наук//Советская этнография (далее СЭ). 1974. № 2. С. 11—19; его же. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930 г.)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5. С. 111—120 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 95); Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)//СЭ. 1972. № 6. С. 19—27; Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные тенденции развития советской этнографии//Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975.

Первый день Советской власти для ученых хранителей Этнографического отдела Русского музея начался с экстренного заседания совета музея, собранного по просьбе большевика Г. С. Ятманова, назначенного Военно-революционным комитетом комиссаром по охране музеев, дворцов и художественных коллекций. Представитель революционной власти объявил о победе пролетарской революции и решении правительства принять на себя охрану музея на случай военных действий. Вскоре к музею подошел наряд солдат революционного Павловского полка и приступил к несению караульной службы. Спустя несколько дней, 4 ноября, Г. С. Ятманов в донесении Военно-революционному комитету писал: «В музее все благополучно»⁵.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила перед учеными этнографических музеев, как и перед всей русской интеллигенцией, вопрос об отношении к Советской власти. В первые недели после Октября среди большей части научного персонала музея царил растерянность. С. Ф. Ольденбург, неприменный секретарь Академии наук, известный востоковед, заведующий секцией буддизма МАЭ, впоследствии вспоминал: «Многим не ясен был сразу смысл величайших перемен в нашей жизни»⁶, «были минуты, когда казалось — гибнет культура и связанная с ней наука, когда казалось — никому они не нужны в том великом перевороте, который так быстро совершился»⁷. Атмосферу тех дней хорошо передал Д. А. Золотарев в статье, посвященной памяти своего старшего коллеги и учителя Ф. К. Волкова, хранителя Этнографического отдела, умершего в июне 1918 года. Ученник с сочувствием описывает тяжелую драму, которую переживал старый ученый, пытаясь понять сложные революционные события, свидетелем которых он был⁸. Такое состояние части русской интеллигенции не должно удивлять, ибо, как писал В. И. Ленин, «...на самых крутых пунктах столь крутого переворота, когда кругом со страшным шумом и треском подламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние»⁹.

В первые дни после победы Октябрьской революции хранители Этнографического отдела Русского музея, не понимая смысла происшедших событий и пытаясь быть независимыми от них, заявили народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому: «Не признавая принципов, проводимых властью, мы остаемся на посту по чувству долга»¹⁰. Обслуживающий же персонал музея, так называемые младшие служащие: фотографы, реставраторы, «служители зал», рабочие — сразу и безоговорочно признали Советскую власть.

Однако уже в декабре 1917 г. позиция большинства ученых Этнографического отдела существенно изменилась. Заведующий отделом Н. М. Могилянский, один из немногих его сотрудников, эмигрировавших из Советской России, характеризует ситуацию конца декабря 1917 г., вынужден был констатировать: «Из оппозиции интеллигенции и шедшей на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдет»¹¹.

Переход ученых этнографических музеев на сторону революционного народа был вполне закономерен: среди этнографов, хорошо знав-

⁵ Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета // Сб. документов / Под ред. Белова Г. А. и др. М., 1957. С. 80.

⁶ Цит. по: Базиянц А. П. Две встречи С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным и развитие советского востоковедения // С. Ф. Ольденбург. М., 1986. С. 23.

⁷ Ольденбург С. Ф. В. А. Стеклов. Некролог // Научный работник. 1925. № 5—6. С. 3.

⁸ Золотарев Д. А. Ф. К. Волков. Некролог // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 356.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 78.

¹⁰ Архив Государственного музея этнографии народов СССР (далее — АГМЭ). Ф. 2, оп. 1, д. 12. л. 7.

¹¹ Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность. Повесть об Эрмитаже. Л., 1986. Ч. 1—2. С. 139.

ших в силу специфики своей работы жизнь народа, его нужды и заботы, было много людей с прогрессивными взглядами; некоторые из них (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Э. К. Пекарский, А. А. Макаренко) принимали участие в революционно-демократическом движении, отбывали ссылку и заключение в царской тюрьме. На позицию этнографов Музея антропологии и этнографии большое влияние оказало также принятое в начале 1918 г. решение Академии наук о сотрудничестве с Советской властью.

В архиве Русского музея хранится документ о совещании 27 января 1918 г., на котором присутствовало 65 человек. На повестке дня стояли два вопроса: «Об отношении общего собрания служащих к Совету народных комиссаров» и «О поддержке Советской власти». Собрание единогласно постановило «оказать полное доверие во всех его (Совета народных комиссаров. — *И. Ш.*) действиях, власть народных комиссаров против контрреволюции поддерживать с оружием в руках»¹².

Победа Октябрьской революции поставила перед научными учреждениями, в том числе музеями, новые задачи. Музеи должны были организовать свою работу так, чтобы быть полезными строящему социализму. Эти задачи вытекали из выдвинутого в январе 1918 г. Советом Народных комиссаров и принятого общим собранием Академии наук в феврале 1918 г. «Проекта мобилизации науки для нужд государственного строительства».

В эти революционные годы одной из самых важных была задача охраны культурно-исторических ценностей. События военных лет, интервенция, гражданская война представляли опасность и для памятников культуры, сосредоточенных в музеях, и особенно для предметов старины, искусства и народного творчества, находившихся у частных лиц. Владельцы дворцов, особняков, богатых квартир, антикварных магазинов Петрограда, напуганные революционными событиями, продавали иностранцам, увозили за границу или бросали в опустевших квартирах огромные художественно-исторические ценности. Для организации работ по охране памятников культуры и управлению музеями в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была создана Петроградская (с августа 1918 г. после объединения с московской коллегией — Всероссийская) коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины во главе с Г. С. Ятмановым, в состав которой вошли известные ученые, художники, архитекторы, музейные работники: неменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, академик Н. Я. Марр, И. А. Орбели, директор (с осени 1918 г.) Государственного Эрмитажа С. Н. Тройницкий, художник и искусствовед Александр Бенуа, ученые этнографического отдела: академик А. А. Миллер (с марта 1918 г. — директор Русского музея и заведующий Этнографическим отделом), профессор К. К. Романов, хранитель отдела¹³. С. Ф. Ольденбург, пользовавшийся огромным авторитетом в научных кругах, и К. К. Романов, известный специалист в области средневековой русской архитектуры и народного жилища, один из деятельных членов организованного до революции Общества охраны памятников искусства и старины, занимали в коллегии посты «товарищей председателя». Активным членом коллегии был и А. А. Миллер, еще до революции уделявший много внимания вопросам музейного дела. Этнографы приняли участие в выработке двух важнейших декретов Советской власти: декрета от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и о сохранении памятников искусства и старины (как монументальных, так и вещественных), находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» и декрета от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов

¹² Архив Государственного Русского музея (далее — АГРМ). Оп. 6, д. 68, л. 13.

¹³ Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса. Ноябрь 1917 — середина 1918 г. М., 1980. С. 131; Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР (далее АЛОИА). Ф. 29, д. 829, л. 8; АГМЭ. Ф. 2, оп. 3, д. 21.

искусства и старины без разрешений, выдаваемых Народным комиссариатом просвещения». К. К. Романов участвовал, кроме того, в разработке основ деятельности одного из важнейших исполнительных органов коллегии — Комиссии по охране памятников искусства и старины, получившей в ноябре 1921 г. название Государственный музейный фонд¹⁴. Комиссия проделала большую работу по сосредоточению в музеях и специально созданных хранилищах национализированных или оставленных уехавшими за границу владельцами произведений искусства и старины.

В работе по сохранению культурных ценностей были заняты все сотрудники этнографических музеев. Они выполняли роль экспертов при осмотре государственными органами частных коллекций, занимались отбором экспонатов в национализированных дворцах и усадьбах, обследовали рынки и антикварные магазины, куда в 1917—1919 гг. поступало много художественных и этнографических ценностей. Музейные сотрудники хорошо знали владельцев всех частных этнографических коллекций Петрограда и поддерживали с ними тесные контакты. По их совету многие коллекционеры сдали на хранение в этнографические музеи наиболее ценные предметы народного творчества. Впоследствии большая их часть волилась в собрания музеев¹⁵. В случае смерти коллекционера или отъезда его за границу оставшиеся бесхозными коллекции, благодаря оперативности музейных работников, быстро и без потерь поступали в музеи. Так, например, были сохранены огромная коллекция старинных русских костюмов и украшений художника С. С. Соломко, эмигрировавшего в 1920 г., коллекции этнографических предметов, собранные Е. М. Бем, Н. И. Кульбиным, К. Д. Долматовым, Э. Э. Ухтомским, Н. Ф. Романченко и другими известными коллекционерами¹⁶.

Трудно переоценить также роль ученых 1920-х годов в сохранении коллекционных собраний в музеях. Длившаяся почти четыре года первая мировая война, тяжелое политическое и экономическое положение страны, оказавшейся в 1918—1920 гг. во вражеском окружении, экономические трудности 1921—1923 гг. — все это самым непосредственным образом сказалось на этнографических музеях: здания их требовали капитального ремонта, экспонатам в неотопливаемых хранилищах грозила гибель из-за сырости, холода, отсутствия дезинфицирующих средств. В этих условиях сотрудники музеев делали все, что было в их силах, для спасения уникальных коллекций: сушили и чистили экспонаты, откачивали воду, попавшую в хранилища в связи с повреждением водопроводной сети, обрабатывали зараженный «оловянной чумой» металл, охраняли здание музея от ограбления, грузили поступающие в небольшое количество дрова. В отчете о работе Этнографического отдела Русского музея за 1922 г. констатируется: «При отсутствии средств на удовлетворение самых неотложных потребностей отдела, его личному составу, крайне малочисленному и материально совершенно не обеспеченному, стоило чрезвычайных усилий поддерживать жизнь столь сложного по своим задачам и их выполнению государственного учреждения, каким является Этнографический отдел»¹⁷.

Другой важной государственной задачей музеев, в решении которой приняли участие и этнографы, была реорганизация музейного дела в стране, являвшаяся частью начатых Коммунистической партией коренных преобразований в области культуры и науки. Эта реорганизация должна была привести к созданию сети музеев, способных стать цент-

¹⁴ В личном фонде К. К. Романова, хранящемся в АЛОИА, имеются проекты черновиков декретов и положений Комиссии, готовые тексты с исправлениями, что свидетельствует о непосредственном его участии в создании этих важнейших документов первых лет Советской власти (ф. 29, д. 832, л. 21, 49—51).

¹⁵ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 48а, л. 77; д. 32а, л. 16об. 17; д. 11а, л. 39; д. 26, л. 76.

¹⁶ Архив Государственного Эрмитажа (далее — АГЭ). Ф. IV, оп. 1, д. 838, л. 1—13; АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 10; д. 40; Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛОА АН СССР). Ф. 142, оп. 1 (1923), д. 3, л. 25.

¹⁷ Отчет Русского музея за 1922 г. Пр., 1923. С. 35.

рами в борьбе за общекультурный подъем страны. А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, К. К. Романов как члены Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины участвовали в разработке принципов научной организации сети музеев, в перестройке деятельности старых музеев и создании новых, в распределении национализированных коллекций между музеями. Они многое сделали и для организации первого в Советской России Музея Октябрьской революции, открытого в Петрограде в ноябре 1919 г. С их помощью в музеи были превращены дворцы Павловска, Царского Села, Ораниенбаума, Гатчины, Петергофа, открыты в 1918—1921 гг. мемориальные музеи, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского и других выдающихся деятелей литературы, искусства, науки. Важную роль сыграли этнографы и в создании сети краеведческих музеев. Д. А. Золотарев, хранитель Этнографического отдела Русского музея с 1918 г., и С. И. Руденко, заведовавший этим отделом с 1921 г., всемерно содействовали созданию местных музеев в Костромской, Ярославской, Вологодской, Тверской губерниях. В организации краеведческих музеев в отдаленных районах страны принимали участие направленные туда на практику студенты этнографического факультета Географического института, пользовавшиеся при этом ценными консультациями Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза.

Выполняя задачи, поставленные перед музеями государством, этнографы много внимания уделяли и собственно музейной работе: собирательской, экспозиционно-выставочной, просветительской. Уже в первые годы Советской власти они осознавали необходимость принципиально нового подхода к традиционным видам музейной деятельности. «В настоящее время,—говорил А. А. Миллер в апреле 1918 г. на заседании совета Этнографического отдела Русского музея,—желательно и своевременно пересмотреть все основы деятельности Этнографического отдела, а также его организации, и в переустройстве выдержать известную цельность и планомерность на основе общегосударственного музейного строительства»¹⁸. На заседаниях совета Этнографического отдела, состоявшего из хранителей музея и приглашенных в совет академиков С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, в 1918—1919 гг. были уточнены профиль музея, основные направления научных исследований, проанализированы характер и особенности поступавшего начиная с 1902 г. материала, дана оценка применявшейся музеем методики комплектования и регистрации экспонатов, рассмотрены вопросы создания «показательной части музея», т. е. экспозиций и временных выставок¹⁹. В июле 1919 г. совет Этнографического отдела принял эти уточнения, так называемую формулу программы. В ней подтверждалось, что Этнографический отдел по-прежнему остается научным музеем, занимающимся «изучением народного быта и искусства народностей и племен России» с целью дать объективную характеристику «народных организмов во всей совокупности их бытовых особенностей»²⁰. Работа по упорядочению деятельности Этнографического отдела продолжалась вплоть до 1921 г., когда окончательно был утвержден профиль отдела, составлено новое штатное расписание, произведены перевыборы членов его совета и всего научного персонала. Заведующим Этнографическим отделом был избран С. И. Руденко, он же стал хранителем отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока; хранителем отделения этнографии великорусской и финской был избран Д. А. Золотарев, Украины, Белоруссии и зарубежных славян — Б. Г. Крыжановский, Кавказа и Средней Азии — А. А. Миллер²¹. Все они возглавляли работу отделов вплоть до конца 1920-х годов. Проведенная Этногра-

¹⁸ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 11а, л. 10.

¹⁹ Протоколы заседаний совета по этим вопросам // АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 11, 11а, 32, 32а.

²⁰ Там же, д. 32а, л. 13 об.

²¹ Отчет Русского музея за 1922 год. С. 3—4.

фическим отделом Русского музея реорганизация не повлияла на основное направление его научной деятельности.

Задачи и профиль работы Музея антропологии и этнографии также остались прежними. В мае 1918 г. на заседании научного совета музея, посвященного памяти В. В. Радлова, было решено «сохранять и оберегать установившиеся за время управления В. В. Радлова музеем научные и технические традиции, продолжая неуклонно работать в том же духе и направлении, в каком неизменно вел музей покойный его преобразователь и устроитель, создав из него научный институт, конечную цель которого он видел не в собирании только объектов человеческой культуры, но и в широкой научной разработке всех вопросов, связанных со статикой и динамикой культуры всего человечества»²².

Оба музея — ГМЭ и МАЭ — по-прежнему рассматривались главным образом как научные центры с программой исследований, выработанной еще до революции (совещания 1901 г.). В годы, когда советская этнографическая наука и советское музееведение делали только первые шаги, ожидать каких-либо кардинальных перемен было трудно. Однако и тогда в музеи проникало много нового, отвечавшего духу времени, постепенно менявшего характер деятельности этих крупнейших в стране научных и просветительных центров.

Одним из важных разделов научной работы музеев было комплектование коллекций. Собирательской работе этнографы всегда придавали большое значение, так как считали музеи своеобразной «памятью человечества», где «запечатлены и оставлены для потомков лучшие и интереснейшие стороны исчезнувшего»²³. Особое значение, по их мнению, приобретают музеи в переломные годы истории, когда меняются привычные бытовой и хозяйственный уклады, рушатся устоявшиеся веками традиции, с особенной быстротой исчезают ценнейшие этнографические памятники, потеря которых невосполнима для науки. Кроме того, ученые считали своим долгом сохранить для потомков вещественные и документальные памятники, характеризующие быт и культуру населения революционной эпохи, экспонаты, свидетельствующие о зарождении новой культуры²⁴. Именно поэтому собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА музеев не прекращалась даже в самые тяжелые годы гражданской войны и интервенции. В период с 1 января 1918 по 1 января 1924 г. в Этнографический отдел Русского музея поступило 13 472 экспоната²⁵, в 1920—1921 гг. в Музей антропологии и этнографии было принято 1525 экспонатов²⁶. Способы комплектования коллекций в 1918—1923 гг. были разнообразными: сбор в ходе экспедиций, приобретение у коллекционеров и скупщиков редкостей. Новым важным источником пополнения этнографических собраний в эти годы были хранилища Музейного фонда, сосредоточившие памятники культуры из национализированных дворцов, особняков, помещичьих усадеб. В этнографические музеи из Музейного фонда поступали крупные, уникальные по составу коллекции. Понимая важность и необходимость использования всех способов приобретения экспонатов, этнографы все-таки предпочитали экспедиционный сбор. Они считали, что полученный специалистом-этнографом во время работы в поле хорошо аннотированный вещевой материал дает более точное представление о традиционной культуре народа, чем материал (даже уникальный!), приобретенный через посредников. Экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА в первые послереволюционные годы не могла развернуться так широко, как этого хотелось бы этнографам. Государство не имело тогда возможности выделить большие средства

²² ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (до 1918), д. 47, л. 5.

²³ Бенца А. Н. Дворцы-музеи//Музей. 1923. № 1. С. 24.

²⁴ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925)// Материалы этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1. С. 143—145; его же. Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. V—VI; Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев//Музей. 1923. № 1. С. 14.

²⁵ АГРМ. Оп. 6, д. 351, л. 58.

²⁶ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1920), д. 1, л. 2, 4; оп. 2 (1921), д. 2, л. 2.

на экспедиционную работу музеев. Музей антропологии и этнографии в эти годы практически не занимался полевым сбором предметов. Его сотрудники, принимая участие в экспедициях Географического института и Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), собирали лишь информационный материал. Этнографический отдел Русского музея на отпущенные ему средства мог направлять в кратковременные командировки двух-трех человек в год, причем только в близлежащие к Петрограду губернии. Этнографы пытались найти выход из создавшегося положения. Одним из путей сбора материалов они считали участие сотрудников музеев в экспедициях, организуемых Академией наук для изучения природных ресурсов страны. Эти экспедиции, как правило, сравнительно хорошо финансировавшиеся, могли включить в свой состав этнографа, но при условии выполнения им определенной работы по изучению промысловой деятельности населения. В 1919 г. в такой экспедиции в районе Ладожского озера работал А. А. Миллер, в 1920—1921 гг. в составе Олонецкой научной экспедиции Гидрологического института — Д. А. Золотарев, в Северо-промысловой — ассистент отдела Л. Л. Капица. Сбор вещевого этнографического материала проводился также в экспедициях, организованных Академией наук для изучения национального состава населения страны в связи с развернувшимся в эти годы национально-государственным строительством²⁷. Однако, в такого рода экспедициях и кратковременных командировках, задачи которых были нередко далеки от задач этнографических, удавалось собрать, как справедливо писал В. Г. Богораз, только разрозненные предметы материальной культуры, представляющие для этнографов меньший интерес, чем коллекции²⁸.

Музейные работники тех лет полагали, что достаточно полные, хорошо аннотированные коллекции, отражающие реальное состояние традиционной культуры народа, можно собрать лишь во время длительных (не менее двух лет) этнографических экспедиций исследовательского характера, где сбор вещевого материала составляет только часть рабочей программы, т. е. в так называемых стационарных экспедициях. Такого типа полевая работа была хорошо известна русским этнографам, принимавшим участие в конце XIX — начале XX в. в стационарных экспедициях ученых Западной Европы и Америки. В начале 1920-х годов специалисты Этнографического отдела Русского музея и этнографы Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК, впоследствии ГАИМК) организовали первую в стране стационарную экспедицию по изучению русского и карельского населения Верхней Волги. Верхневолжская экспедиция в составе 20 человек, возглавлявшаяся Д. А. Золотаревым, работала в течение пяти лет, с 1921 по 1925 г., на территории Ярославской, Тверской и прилегающих к ним районов Вологодской и Костромской губерний. Научной задачей экспедиции было установление «на основании антропологических, лингвистических и этнографических исследований этнологических особенностей населения»²⁹, выявление этнокультурных связей русских и карел, фиксация тех изменений, которые произошли в быту и культуре населения Верхней Волги под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Этнографы, кроме того, должны были собрать вещевой материал, отражающий этнографическую ситуацию в изучаемом районе. Несмотря на тяжелые условия работы программа экспедиции была выполнена: собран огромный информационный материал и большие, хорошо сформированные коллекции³⁰.

²⁷ АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 5; Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеонтологии и этнографии за последние десять лет//Человек. 1928. № 2—4. С. 249.

²⁸ ЛОА АН СССР. Ф. 250, оп. 1, д. 5, л. 1; оп. 3, д. 168, л. 92.

²⁹ Еремин С. Разряд этнографии Государственной Академии истории материальной культуры//Человек. 1928. № 4. С. 86.

³⁰ Экспонаты, собранные экспедицией, хранятся в ГМЭ, фотонегативы — в ГМЭ и ЛОИА. Список опубликованных материалов экспедиции см.: Еремин С. Указ. раб. С. 86.

Верхневолжская экспедиция сыграла очень важную роль в разработке методики стационарных экспедиций в СССР. Она показала, что их классическая форма, принятая специалистами Америки и Западной Европы, не подходит для изучения населения нашей страны. С. Ф. Ольденбург, Д. А. Золотарев и другие исследователи пришли к выводу, что систематическое этнографическое изучение народов СССР и планомерный сбор соответствующих материалов можно осуществить путем развития краеведческого движения, которым будут руководить центральные этнографические учреждения³¹. Для реализации этой идеи необходима была широкая сеть краеведческих музеев с квалифицированными кадрами, которой в те годы в стране не было.

Другую возможность проведения широких исследований и сбора экспонатов в условиях 1920-х годов этнографы видели в организации в районах, подлежащих изучению, так называемых этнографических станций, своеобразных «наблюдательных пунктов, которые, наподобие физических или астрономических обсерваторий, могли бы собирать и сообщать местные этнографические данные по вопросам, возникающим у исследователей»³². В январе 1923 года Д. А. Золотарев подал совету Русского музея «Записку по вопросу об учреждении этнографических станций на местах» и «Положение об этнографических станциях Русского музея»³³.

В записке указывалось на необходимость создания пяти станций, работники которых должны были быть штатными сотрудниками Этнографического отдела. В их задачу входило обследование каждого населенного пункта, находящегося в районе действия станций, для сбора этнографических сведений и предметов. Материал, полученный станциями, следовало передавать в Этнографический отдел для научной обработки и обобщения. Станция по мере выполнения возложенных на нее задач в одном районе, должна была перебазироваться в другой, и там продолжать сбор материала по той же программе. Тем самым, по мнению Д. А. Золотарева, обеспечивалось длительное, систематическое исследование народной культуры и квалифицированное комплектование музейных фондов. В ответ на ходатайство Русского музея Петроградское отделение Академического центра Наркомпроса, которому с 1921 г. подчинялись музеи, разрешило организацию одной опытной станции в с. Усть-Цильме Печорского уезда Архангельской губернии³⁴. Первым ее сотрудником был Д. Д. Травин, студент Географического института, где преподавали Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз. За время работы в Усть-Цильме Д. Д. Травин собрал для обоих этнографических музеев Петрограда интересные коллекции по быту и культуре русских и ненцев³⁵.

В начале 1920-х годов этнографы, занимаясь хранением, сбором и изучением вещественных памятников народной культуры, много внимания уделяли экспозиционно-выставочной работе или, как говорили тогда, «показательной части» музея. По мнению этнографов, как и других музейных работников тех лет, лишь наличие экспозиции делает музей полноценным организмом, «создает музей как целое», ибо «во многих случаях никакая книга, никакая лекция не могут дать того, что дает самое обозрение памятников»³⁶. Экспозиционно-выставочная работа в те годы рассматривалась как одно из важных направлений научной деятельности музея. С. Ф. Ольденбург писал, что создание выставок —

³¹ Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений... С. 254; Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев//Музей. 1923. № 1. С. 15.

³² Виноградов Г. С. Этнография и современность. Иркутск, 1923. С. 21.

³³ АГРМ. Оп. 6, д. 307, л. 31—32; АГМЭ. Ф. 2, оп. 1, д. 128, л. 1.

³⁴ АГРМ. Оп. 6, д. 305, л. 8.

³⁵ Травин Д. Д. Задачи этнографических работ на Печоре. Архангельск, 1921; см. также Каменецкая Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин//Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982 (Сб. МАЭ, Т. XXXVIII).

³⁶ Троицкий С. Н. Основы строительства гуманитарных музеев//Музей. 1923. № 1. С. 20.

«один из самых в научном отношении решающих и ответственных моментов музейной работы..., здесь должно максимально проявиться научное творчество музейного работника»³⁷. Подобная точка зрения отвечает и современным представлениям об экспозиционно-выставочной работе. Однако в 1918—1919 гг. некоторые этнографы, исходя из этого положения, утверждали, что музейные экспонаты должны иметь «исключительно научный характер». Такая экспозиция должна, по их мнению, дать «ученому посетителю» возможность исследовать, опираясь на выставленные вещи, эволюцию народной культуры, ее генезис, провести сравнительный анализ культурных явлений у народов земного шара. Соответственно, основной считалась задача показать вещи «во всей их научной полноте», сериями, во всех вариантах и разновидностях, в исторической и эволюционной последовательности. «Научный музей лаборатории,— писал в 1919 г. теоретик музейного дела истискусствед Ф. И. Шмит,— и в нем подбигается материал, необходимый для научных работ...; туда широкую публику пускать нельзя, да и незачем — публике там делать нечего»³⁸. Большая же часть музейных работников понимала, что в стране, где так велика тяга народных масс к знаниям, музеи не имеют права создавать выставки «исключительно научного характера», доступные лишь немногим. С. Н. Тройницкий считал, что музей должен быть полезен для всех посетителей, «будь то ученый, студент высшей школы, ученик, рабочий или просто обыватель... В противном случае музей, как бы ни были обширны его коллекции и учен его персонал, теряет всякое воспитательное значение и превращается в нечто подобное закрытой лаборатории»³⁹. Этнографы стремились к созданию экспозиций, в которых бы строгая научность сочеталась с популярностью экспозиционного изложения. Первым опытом в этом направлении была открытая в октябре 1918 г. экспозиция Музея антропологии и этнографии, посвященная народам Африки, Америки, Азии и Австралии. И хотя по своему характеру это была вещеведческая экспозиция, рассчитанная в основном на образованную публику, она способствовала и просвещению того простого посетителя (рабочих, крестьян, красноармейцев, матросов), который заполнил залы музеев после победы proletарской революции. Доступной и понятной ее делали включенные в экспозицию карты, популярные тексты, фотографии и другие материалы.

Опыт МАЭ был использован при строительстве в 1920—1923 гг. экспозиций Этнографического отдела. Ученые Русского музея хотели показать «в ярких, по возможности, образах» особенности традиционных форм хозяйства, быта и культуры народов Советского Союза в исторической перспективе (от прошлого к настоящему). Это была новая задача и для ее решения потребовались новые экспозиционные приемы, новый подход к отбору экспонатов и художественному оформлению⁴⁰.

В основу структуры экспозиций был положен этнический признак, т. е. каждая экспозиция посвящалась показу традиционной культуры того или иного народа. Внутри экспозиции материал располагался тематически — выделялись такие темы, как земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, ремесла, жилище, одежда, праздники, народное искусство, причем центральное место занимали экспонаты, показывающие наиболее важные стороны быта и культуры того или иного народа. Такой подход к распределению материала на экспозициях позволял охарактеризовать особенности народной культуры.

Авторы хотели также продемонстрировать развитие народной культуры во времени — от древности до наших дней, считая возможным даже показ археологических памятников, если в них прослеживается

³⁷ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1922), д. 1, л. 4.

³⁸ Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи//Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919. С. 39—40.

³⁹ Тройницкий С. Н. Указ. раб. С. 20.

⁴⁰ Крыжановский Б. Г. Принципы экспозиции этнографического музея//Музейное дело. Л., 1926. С. 3—20.

четкая связь с культурой современных этнических групп⁴¹. Эта попытка, несомненно заслуживающая внимания, однако, не увенчалась успехом. Причиной тому были как неразработанность теоретических вопросов этноархеологии, так и отсутствие необходимых экспонатов.

На экспозицию отбирались вещи, широко распространенные у населения, типичные, причем (в отличие от более ранних этнографических выставок) в небольшом количестве. «Нет нужды загромождать шкафы, витрины и щиты массой предметов в ущерб показательности, когда варианты и детали в большинстве случаев интересны только специалистам, а последние имеют к своим услугам основные собрания, хранящиеся притом в условиях несравненно более удобных для изучения, чем предметы на выставке, прикрепленные к щитам или одетые на манекенах»⁴², — писали этнографы в первом путеводителе по открытым для обозрения залам музея.

Ставя перед собой задачу сделать экспозицию понятной и интересной для рядового посетителя, этнографы включили в нее кроме вещей много плоскостного материала (этнические карты, чертежи, схемы, планы, фотографии, рисунки), как бы комментировавшего, разъяснявшего смысл и назначение выставляемых вещей, раскрывавшего те стороны народной жизни, которые нельзя было показать на вещах. Особенно большое значение придавалось фотографиям, позволяющим как бы воссоздать «жизненную обстановку», в которой когда-то находились выставленные в шкафах и на щитах предметы народного быта, представить духовную жизнь народа: праздники, обычаи, обряды и т. п. Для того, чтобы передать зрителю «дух обстановки, в которой живет человек», в экспозицию вводились так называемые бытовые или жизненные комплексы, т. е. группы предметов в том сочетании, в каком они находились в народном быту: интерьеры жилищ, мастерских, святилищ⁴³.

Экспозиции Этнографического отдела Русского музея, как и экспозиции Музея антропологии и этнографии пользовались большим успехом. В 1923 г. Этнографический отдел посетило (с 3 июня — момента открытия) 13 228⁴⁴, а МАЭ — 27 547 человек⁴⁵. При этом на экскурсии приходили не только специалисты, любители этнографии, студенты, но также рабочие, крестьяне, т. е. все те люди, перед которыми после революции открылись двери музеев. В отчете МАЭ за 1921 г. говорится: «За последние годы особенно заметным стал рост сознательного отношения к поучительному материалу музейных собраний. Вместо случайной публички музей стал посещаться организованными местными и иногородними экскурсиями учащихся, кружков самообразования, групп красноармейцев и матросов»⁴⁶.

Итак, этнографические музеи Петрограда в первые годы Советской власти провели работу, масштабы и значение которой трудно переоценить. Связанная с охраной художественно-исторических ценностей, с развитием музейного дела в стране работа эта приобрела общегосударственное значение. Внутренняя жизнь этнографических музеев характеризовалась стремлением к совершенствованию всех видов деятельности: была начата разработка методики сбора материалов, определены основные принципы создания «монографических» экспозиций по народам, сделаны первые шаги в области просветительной работы среди трудящихся — новых посетителей музеев. Научные исследования музеев приобрели ярко выраженный практический характер. В первое послеоктябрьское пятилетие ученые этнографических музеев проявили большое гражданское мужество, самоотверженность, уважение к народу, победившему в революции, и сумели всей своей деятельностью стать полезными Советскому государству.

⁴¹ Там же. С. 12—13.

⁴² Этнографический отдел Русского музея. Пг., 1923. С. 8—9.

⁴³ Крыжановский Б. Г. Указ. раб. С. 4—5; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Указ. раб. С. 17.

⁴⁴ Отчет ГРМ за 1923 г. и 1924 г. Л., 1925. С. 30.

⁴⁵ ЛОА АН СССР. Ф. 142, оп. 1 (1924), д. 1. л. 7.

⁴⁶ Там же. Ф. 142, оп. 1 (1921), д. 2, л. 13.